

ГАСТОН

ВОЗВРАТУ НЕ ПОДЛЕЖИТ

ИВ ГОТЪЕ

Ив Готье

Гастон. Возврату не подлежит

«Альпина Диджитал»

2023

УДК 821.133.1-311.1
ББК 84(4Фра)-44

Готье И.

Гастон. Возврату не подлежит / И. Готье — «Альпина Диджитал»,
2023

ISBN 978-5-00-272506-9

Как оставаться самим собой в чужом мире и как сохранить инакость? И нужно ли ее сохранять? Возможно, герой книги – парижанин Гастон Тивет – вечерами в своей квартирке в маленьком советском городе Шостка не мучился такими философскими вопросами. Но повествование о необычной и невыдуманной судьбе героя заставляет задуматься над этим. Одновременно вольно и невольно, по желанию и принудительно Гастон остался в СССР на долгие годы. Судьба Гастона может стать своеобразным пазлом почти шекспировской мозаики жизненных коллизий, которые таит в себе такое массовое и неоднозначное явление XX и теперь уже XXI века, как репатриация. Ив Готье – французский писатель, переводчик русской литературы. С Гастоном Тиветом он познакомился еще в СССР. Спустя десятилетия писатель собрал по письмам, документам, голосам родных эту книгу. Русский текст – авторский перевод с французского. Готье пишет как человек, познавший Россию изнутри, – с той редкой смесью нежности, иронии и точности, какая дается, когда чужая земля становится близкой.

УДК 821.133.1-311.1
ББК 84(4Фра)-44

ISBN 978-5-00-272506-9

© Готье И., 2023

© Альпина Диджитал, 2023

Содержание

I	9
II	11
III	12
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Ив Готье

Гастон. Возврату не подлежит

Знак информационной продукции (Федеральный закон № 436–ФЗ от 29.12.2010 г.)

Авторский перевод с французского

Литературный редактор: *Ирина Барметова*

Издатель: *Павел Подкосов*

Главный редактор: *Татьяна Соловьёва*

Руководитель проекта: *Ирина Серёгина*

Художественное оформление и макет: *Юрий Буга*

Корректоры: *Ольга Петрова, Зоя Скобелкина*

Верстка: *Андрей Ларионов*

Дизайн обложки: *Яна Сергеева*

© Éditions Paulsen, 2023

© ООО «Альпина нон-фикшн», 2026

* * *

ИВ ГОТЬЕ

ГАСТОН

ВОЗВРАТУ НЕ ПОДЛЕЖИТ

*авторский
перевод с французского*

альпина
ПРОЗА

Москва, 2026

Все права защищены. Данная электронная книга предназначена исключительно для частного использования в личных (некоммерческих) целях. Электронная книга, ее части, фрагменты и элементы, включая текст, изображения и иное, не подлежат копированию и любому другому использованию без разрешения правообладателя. В частности, запрещено такое использование, в результате которого электронная книга, ее часть, фрагмент или элемент станут доступными ограниченному или неопределенному кругу лиц, в том числе посредством

сети интернет, независимо от того, будет предоставляться доступ за плату или безвозмездно.

Копирование, воспроизведение и иное использование электронной книги, ее частей, фрагментов и элементов, выходящее за пределы частного использования в личных (некоммерческих) целях, без согласия правообладателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

I

«Апартаменты – это для буржуа...»

«Huit, rue Tsiolkovski»¹. Я отчетливо расслышал в телефоне адрес, все, кроме квартиры, поэтому переспросил:

– Appartement numéro?...²

На том конце провода воцарилось молчание. Как сейчас помню тот телефонный аппарат, с которого звонил. Ярко-красного цвета, с вращающимся диском, в народе его называли «тюльпаном» – по имени польского производителя: Telkom Tulipan. Такой роскошный телефон был далеко не у всех. В трубке зашуршало, и он сказал:

– Quarante-trois³.

Он произнес это с абсолютно парижским прононсом – гортанным, протяжным, при котором слова клубились, грассировали в горле, а затем легко и свободно слетали с полураскрытых губ... Слышалась в этом выговоре горделивая небрежность парижан былых времен XVII округа. Голос в трубке смахивал на голоса со старинных виниловых пластинок или героев фильма Марселя Карне. А уж французский, звучащий в небольшом городке советской Украины в 1981 году, – вещь совершенно необычная. С этого момента Гастон меня заинтриговал.

Гастон сообщил, что всю неделю работает и поэтому приглашает меня к себе домой в следующее воскресенье.

Жил он в небольшой квартире пятиэтажного дома из белого силикатного кирпича, который беспорядочно обступили березы, ивы, акации и тополя. От былых клумб оставались лишь разбитые бордюры. Тротуар, проезжая часть и дикорастущая трава слились воедино, и только стихийные пешеходные тропинки и следы шин перерезали это пространство. Лужи оживляли картину двора. Перед каждым подъездом стояли напротив друг друга две скамейки, где дежурили местные кумушки. В поисках нужного подъезда я обратился к ним:

– Где живет Любовь Ивановна? Семья Климовых.

По глазам одной было видно, что она не понимает, о ком речь. Но соседка ткнула ее локтем в бок:

– Гастонша же.

«Гастонша»! Я попал по адресу.

Гастона я застал в семейном кругу: жена Любовь, Люба, один из сыновей и внуки.

– Хоть бы предупредил, – упрекнула Люба. – Твой земляк – и у нас в гостях!

И правда, такого еще никогда не случалось.

Гастон улыбнулся и повернулся ко мне:

– По телефону я не поверил, что вы француз. Я подумал, что вам просто захотелось попрактиковаться со мною в языке. Ну, студент, например, мало ли я таких видал.

– Но... почему?

– Вы спросили про квартиру – апартаменты. Апаааапартаменты (appâartement – с ударением на протяжное «ааа»), appâartement – это для буржуа. А рабочие, они живут в квартирах (logement, lôdôgement). – И снова улыбнулся. – Appâartement, appâartement... – иронично повторял он.

Он повторял, а я так и видел актрису Арлетти на легендарном мостике канала Сен-Мартен, произносящую слово «атмосфера» – «атмосфэр» из фильма «Северный отель» того

¹ Улица Циолковского, дом восемь (фр.). – Прим. ред.

² Апартаменты номер?... (фр.). – Прим. ред.

³ Сорок три (фр.). – Прим. ред.

же Марселя Карне... Самая крылатая реплика французского кино. «Атмосфэр, атмосфэр...» Продолжение напрашивалось само собой: «Не приплетай мне сюда [апартаменты]!» Вместо чего Гастон одарил меня веселым мягким взглядом.

Этот прежний голос Парижа приводил меня в восторг. Скромному человеку – жилье, избранное – апартаменты. Гастон оставался в той давней Франции, где *апартаменты* были уделом сильных мира сего: гостиная, вестибюль, кабинет, галерея и все такое.

Так прошла наша первая встреча. Стол был уставлен разными салатами, слабосоленой селедкой, маринованными помидорами и холодными закусками с хреном. Как водится за трапезой, мы рассуждали о еде: что едят здесь, а что – там. О Гастоне я знал немного – лишь то, что волею судьбы его выбросило из Парижа сюда, на Украину, в конце Второй мировой войны. С тех пор он так и осел «в этом захолустье» (его слова), поневоле отрезанный от родных мест – районов Эпинетт и Батиньоль⁴, от своего Парижа.

Меня тянуло к Гастону. С каждым приездом в этот город я рвался к нему в гости. Это походило на некий ритуал. Мы встречались и в весенние праздники, особенно на Первомай, когда я ходил на демонстрацию смотреть, как люди исполняют свой общественный долг. Чтобы не разминуться с Гастоном, я вставал среди зевак ниже трибуны руководителей. Над нами нависала фигура главы города, по-нынешнему мэра, это была дама по имени Сталина с высокой – с Эльбрус – прической, похожей на настоящее кондитерское изделие. Из «кондитерского изделия» на ветру вырывались светлые пряди, реявшие на фоне красных флагов. Демонстранты несли на плечах портреты великих апологетов пролетарского труда, написанные маслом: Ленин и Энгельс – суровые, словно вырезанные ножом; Маркс – веселый, с кудрявой бородой, тщательно прописанной тонкой кистью. Гигантские лики плыли над толпой, словно океанские лайнеры по фарватеру.

Миновав официальные трибуны, шествие постепенно распадалось, сохраняя при этом видимость порядка: школа за школой, учреждение за учреждением, завод за заводом, цех за цехом. Ряды понемногу размыкались, лица очеловечивались, колонны тянулись к возлияниям. Я же ждал цех кинофабрики № 23 – цех Гастона. Наконец он появлялся – жизнерадостный, в вельветовых брюках в крупный рубчик и шерстяной куртке. Многие подходили, пожимали ему руку: «Шарлович», «Шарлович»... Гастон Шарлович. Личность.

⁴ Батиньоль когда-то был самостоятельным поселком на окраине Парижа. В 1860 году, в ходе масштабной перестройки столицы при Наполеоне III, он вошел в состав города. В XIX веке Батиньоль отличался насыщенной культурной жизнью: здесь жил художник Эдуард Мане и собирались его единомышленники, вошедшие в историю как группа Батиньоля. Вместе с тем район сохранял народный и рабочий характер – здесь располагались фабрики, мастерские и ремесленные предприятия. Район так и прославился как уникальный сплав сельского прошлого, творческой жизни и рабочего быта. – *Прим. ред.*

II

Зинаида Афанасьевна

В жизни ее звали иначе. Я дал ей другое имя без умысла исказить или представить ее в ложном свете, но с нежностью и без всякого лукавства. Зинаида Афанасьевна любила все и сразу: прозу и поэзию, русский и украинский, книги и кино, доверительную откровенность и общепринятые устои, город и деревню, сало и игристое вино, музыку и науку. Прирожденная сказительница, она превращала любой рассказ в полноценное повествование: детские воспоминания, способ изготовления в деревенских условиях сливочного масла, каждодневные проблемы на работе, любые эмоции, физическая боль, случайная встреча – все в ее устах обретало объем и краски. В те доинтернетовские времена она писала письма, наполненные сочными образами. Нередко в лирическом порыве изъяснялась стихами.

Она умела играть на цыганской семиструнной гитаре, водить мотоцикл, управлять автомобилем. Все, что она делала сейчас или когда-либо, она делала увлеченно, с азартом. Она пела по любому поводу и без. Аккомпанировала себе ложками или тем, что попадалось под руку: мухобойкой ли, рождом для обуви, щеткой для одежды... При этом ее голос взмывал ввысь, не претендуя на чистое, хрустальное звучание. Скорее это был растрепанный, раскрепощенный порыв звуков, от которых требовалось всего три вещи: безудержная свобода, сострадание и душевность. В равной мере им дозволялось быть печальными или радостными.

Если твой зять француз (речь обо мне), то в провинциальном советском городке нужно было иметь, по меткому французскому выражению, *le cœur au ventre* – «сердце в животе». То есть обладать стойкостью, держаться как корень в земле.

Дорога на работу Зинаиды проходит через рынок. И вот там, среди лотков с яблоками – душистыми, ни с чем не сравнимыми украинскими яблоками, она наталкивается на тетеньку с почты, которая работает на перлюстрации (или на тетю с перлюстрации, которая работает на почте, – поди разберись, как оно у них там устроено).

– О-о-о! Зинаида Афанасьевна, у вас опять письма от французов. Растут же у вас внучки! И фотографии какие красивые... цветные! Одно удовольствие. Да еще и с теплыми словами. Зайдите-ка в отдел – я вам все и отдам. На неделю раньше получите. Конверты можно ведь не заклеивать, да? Заодно посмотрите и мою коронку. И пломбу – вот здесь. – Дама-перлюстратор посреди рынка широко открывает рот, демонстрируя темную бездну своей пасти.

Зинаида Афанасьевна – стоматолог и весь город «держит за зубы». Даже Гастон, сделавший скрытностью своим жизненным принципом, был вынужден поведать ей некоторые эпизоды своей жизненной истории. Когда бормашина рычит тебе в лицо, попробуй не отвечать на «допросе». Именно кариес Гастона позволил мне узнать о его эпоее.

Я был нетерпелив в поисках Гастона, торопил Зинаиду. Она покрутила диск своего красного «тюльпана» и дозвонила до отдела кадров кинофабрики. Теща объяснила, что хочет «поговорить с французом». Разве можно было отказать той, к кому понадобилось бы срочно обратиться с зубной болью? Иначе придется потом часами стоять в поликлинике в смутной надежде получить талон на прием к дантисту. Тогда за Гастоном сходили в цех № 23, и вот я уже как бы очутился в звуковом треке в духе Марселя Карне, где мы выясняли номер квартиры или апартаментов.

Как правило, теща – герой отрицательный, фигура попанная; потянет на целый книжный стеллаж: «500 лучших анекдотов про тещ», «Как избавиться от...» и прочая чепуха.

Но Зинаида была иной: свет, слово и музыка.

III

А места тут селитряные

В начале была пороховая фабрика. Здесь по велению Петра Великого добывали селитру. Собственно, если и знатно это место, то тем, что было основано императорским указом. Поселок окрестили Шосткой – по имени речушки, которая лениво протекает через него к прекрасной Десне, прозванной Очарованной, притоку Днепра. Ни один поэт никогда не воспел ни реку Шостку, ни одноименный городок. Ни один писатель – известный или безвестный. Ни одного кадра в кино, ни одной цитаты. Ни романа, ни песни, ни малейшей лирической аллюзии – ничего. Не существует путеводителя, страницы ли, абзаца, ему посвященных. Есть ли на свете человек, который мог бы сказать: «Я совершил тур в Шостку»? Нигде не прочтешь: «Такой-то великий человек останавливался здесь в такой-то гостинице по дороге туда-то». Нет таких табличек. Шостка девственна по части мифов, легенд, историй, диковин и туристов. «Захолустье», – говорил Гастон, уроженец парижского квартала Батиньоль, такого рабочего, народного, живого, вдохновлявшего бесчисленное множество кинематографистов, романистов, поэтов и певцов.

(Впрочем, я все же несправедлив. Шосткинцы возразили бы словами своего поэта-земляка Андрея Ардашева, издали ностальгирующего по родному городу: *Здесь площади пылают, / А села вымирают / В условиях растерянной страны. / За счет чего – не знаю – / Поселки выживают! / Столицы – столь надменны и важны... / Но даже в дальнем крае / Я Шостку вспоминаю! / И только с самой лучшей стороны!..*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.